

ТРУД И СВОБОДА В МАРКСИСТСКОЙ И ЛИБЕРАЛЬНОЙ ТРАДИЦИЯХ

Игорь Анатольевич Гончаров (igor_goncharov_2015@mail.ru)

Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина,
Сыктывкар, Россия

Цитирование: Гончаров И.А. (2018) Труд и свобода в марксистской и либеральной традициях. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 21(5): 209–219.
<https://doi.org/1031119/jssa.2018.21.5.11>

Аннотация. Исследование связано с пересечением двух противоположных традиций в понимании свободы и труда: диалектики свободы у Г. Гегеля, нашедшей отражение в логике отношений раба и господина в «Феноменологии духа», и мальтузианской традиции, реализовавшейся в анализе Д. Рикардо дифференциальной ренты, как это было представлено в работе М. Фуко «Слова и вещи». Методология исследования связана с анализом таких понятий, как труд и рабочая сила. Понятие труда в гегелевской традиции рассматривается в терминах большой логики возвращения абсолютной идеи к самой себе. Труд здесь рассматривается как средний термин, отношения духа с его сущностью свободой, с одной стороны, и природой, упорядоченной производительным трудом, — с другой. Анализ понятия рабочей силы представляет ее как невозполнимый ресурс, отчуждаемый от рабочего вместе с его жизнью. Богатство, которое производит труд, иллюзорно, поскольку опирается на потребление жизни трудящегося. Понятия труда и рабочей силы скрывают конфликт, который уже содержится в работах раннего Маркса — «Экономическо-философских рукописях» и «Манифесте коммунистической партии». Примененный подход помогает рассмотреть проблему радикального марксизма и социал-реформизма как исходное противоречие, связанное с наложением двух дискурсов в теории Маркса: дискурса труда и рабочей силы. Один из этих дискурсов связан с экономическими исследованиями Маркса, сформировавшими впоследствии теорию прибавочной стоимости и провозгласившими необходимость коренного преобразования общества. В этом дискурсе рабочий преодолевает свои классовые рамки и превращается в своего рода демиурга политической реальности. Второй дискурс направлен на формирование социально однородного общества наемного труда, в основе которого лежит все тот же принцип капиталистического распределения, формирующего общество рабочего капитализма.

Ключевые слова: труд, рабочая сила, свобода, заработная плата, рабочий капитализм.

Превращение труда в эпоху Просвещения в решающий фактор прогресса было связано с понятиями свободы и освобождения. В рамках различных версий политической свободы труд превращался в некий универсальный фактор глобальной свободы человека как от власти при-

роды, так и от деспотии. Более того, благодаря труду человек приобретал могущество не только в земном масштабе, но и в космическом. Так, в работе Дж. Дьюи «Реконструкция в философии» провозглашается тезис о том, что политическое освобождение человека труда и возрастание роли третьего сословия лежат в основе того, что наука из умозрения превращается в успешное предприятие, направленное на подчинение природы (Дьюи 2003: 28–30). Эксперименты Ньютона и Галилея сводят воедино механику земную и небесную, превращая инженера в ученого, открывающего тайны космического пространства.

Во всех этих рассуждениях, описывающих Просвещение в терминах свободы, труд является «средним» термином, объединяющим различные трактовки процесса освобождения человека. Во всех этих трактовках освобождения и свободы понятие труда обладает своего рода избыточностью. То есть, помимо простого процесса производства предметов, труд наделяется некоей магической способностью изменять общественные отношения. В конечном счете, труд рассматривается как сама действительность, формирующая философию истории. В «Феноменологии духа» Г. Гегеля понятие труда приоткрывает нам то, что в последующих работах будет связываться с внутренней логикой исторического процесса, совпадающего в итоге с историко-философским процессом.

Политическое отношение, предполагающее отношение господства и подчинения, у Гегеля выступает как этап формирования самосознания. Речь идет о том, что человек познает себя как человека через отрицание животного начала (Гегель 2000: 100). Логика такого осознания с необходимостью предполагает и понятие господства. В позитивном смысле человек определяет свое желание как направленное на волю другого человека, или, как формулирует эту цель Г. Гегель, «желание желания» (Кожев 2003: 14). Таким образом, позитивная характеристика человеческого желания предполагает полное подчинение воли другого человека. Негативный аспект связывался с тем, что ради исполнения этого желания человек готов был пожертвовать жизнью, утверждая таким образом свою человечность через самоотрицание, а точнее отрицание своей животной природы, а следовательно, и жизни.

Это отношение господства и рабства становится классическим социальным отношением эпохи формирования самосознания. Однако логика раба и господина по сути амбивалентна. Сам господин обретает свое политическое достоинство и дает наличное бытие собственно политическому только благодаря признанию со стороны того, кто отказался от борьбы, спасая свою жизнь, предпочитая животную сущность человеческого достоинству, то есть наличность политического определяется через раба. Для господствующего элемента это является отрицательным факто-

ром, поскольку признание политического достоинства со стороны раба обесценивается признанием со стороны неравного по статусу. В связи с этим господин вынужден идти от победы к победе, поскольку победа обесценивается отсутствием признания со стороны равного. Гегель отмечает, что раб является истиной господина (Гегель 2000: 102), поскольку само его существование негативно указывает на возможность господства и человеческого достоинства. То есть политическое в статусе раба существует как страх смерти, свидетельствующий о возможности утраты животного начала и обретения господства. В этом парном отношении и раб не может стать господином, и господин не может перестать стремиться к утверждению своего человеческого статуса.

Рассматривая диалектику раба и господина у Г. Гегеля, А. Кожев подвергает критике решение этого противоречия через возникновение христианского сознания. Это решение, с его точки зрения, иллюзорно, потому что превращает всех в рабов божьих и абстрактно предполагает, что человеческое сознание и есть по своей сути рабское сознание (Кожев 2002:165). Но рабское сознание только формально истина господина, поскольку сам раб по сути своей отрицателен, то есть по своему статусу он лишен политического, а следовательно, и человеческого статуса. Отмечая роль труда в становлении реального статуса раба и соответственно в наполнении положительным содержанием статуса господина, Гегель тем самым формирует совершенно новое отношение — отношение гражданства. Однако в христианском сознании, с точки зрения А. Кожева, раб остается лишь формально, то есть отрицательно истиной господина. В действительности мы имеем здесь своего рода умозаключение, в котором крайними членами являются раб и господин, а средним — труд. Через посредство труда мы получаем реальное отношение раба и господина, то есть единство того и другого. Это единство и есть отношение гражданства, которое трансформирует и политическое отношение в собственно правовое отношение. При этом Кожев отмечает, что гражданское равенство опирается на два правовых принципа, соответствующих господству и рабству, — принципы равенства и эквиваленции. Именно последний содержательно определяет гражданство, поскольку первый лишь отрицает неравенство.

Именно принцип эквиваленции наполняет свободу и гражданство реальным содержанием, поскольку здесь неравенство компенсируется обменом, который и восстанавливает исходное равенство всех людей (Кожев 2003: 146). В основе этого обмена, т.е. эквиваленции, лежит та первая сделка, которую в свое время заключил раб, обменяв свободу на жизнь. Но в основе этого отношения лежит труд, поскольку отказ от свободы означает исполнение желаний господина и обеспечение его

существования, что, собственно, и составляет сущность труда. Таким образом, избыточностью труд обладает лишь потому, что является и социальным отношением, то есть отношением обмена. Таким образом, труд наполняет смыслом как признание, лежащее в основе отношения раба и господина, так и взаимное признание в отношении гражданства. Разница в том, что гражданство основано на взаимном обмене. Этот обмен является обменом продуктами труда, то есть овеществленным трудом. Таким образом, понятия гражданства и свободы оказываются невозможными без обмена, то есть без продукта труда как товара. Подлинная демократия и правовое общество невозможны без товарного производства и рыночных отношений. При этом речь идет об обмене продуктов труда, при котором тот, кто трудится, по определению отчужден от продукта своего труда. Таким образом, лекало товарного обмена накладывается на производственные отношения. Так, принцип эквивалентности, определяя гражданство как правовое равенство моральных субъектов, характеризует неравенство как результат эквивалентного обмена. Таким образом, характеризуя отношение слуги и господина, можно говорить о том, что это отношение надо рассматривать как взаимный обмен услугами на основе гражданского контракта. Следовательно, отношение господства и подчинения снимаются в условиях рынка, тем самым формируется основа политической свободы как гражданской свободы.

Труд становится главным героем капитализма и оправдывает его статус политической и гражданской свободой. Это буржуазное понимание избыточности труда позволило впоследствии Ф. Фукуяме сформулировать миф о победе гражданства, основанного на труде и парадигме *homo economicus*, над мегалотимией политического отношения господства и рабства (Фукуяма 1990: 134–148). Как видим, концепция и понимание труда, сформулированные на материале капиталистических отношений, являются константами понимания сущности либеральной демократии до сих пор. Вместе с тем превращение отношения слуги и господина в обычный обмен продуктами труда требует целого ряда оговорок, которые в конечном счете должны поставить под сомнение саму правомерность этой аналогии. Дело в том, что в первоначальном, так называемом онтологическом обмене раб отдает господину не какую-либо отдельную услугу, но саму способность оказывать эти услуги на протяжении всей своей жизни. Жизнь раба как производителя полностью принадлежит господину. Для того чтобы обеспечить отношения гражданства, раб в обмене услугами должен быть отчужден от производства самой услуги. Насколько правомерно это отчуждение? Так, сам факт отчуждения рассматривается как нечто непосредственное, данное изначально. Однако именно это положение либеральной трактовки

труда вызывает у Маркса ряд вопросов о природе отчуждения. Так, в «Экономическо-философских рукописях» К. Маркс, рассматривая формы отчуждения труда, начинает с отчуждения предмета труда, который предполагает отчуждение деятельности, затем отчуждение рода, в котором человек утрачивает собственно человеческую сущность, и в конечном счете завершается этот процесс отчуждением человека от человека (Маркс 1974: 92–93). Если рассмотреть эволюцию отчуждения у Маркса, то мы заметим, что он движется назад от гражданина к рабу, показывая тем самым, что капиталистическое производство и связанная с ним идея либеральной демократия создают лишь видимость гражданства, тогда как анализ процесса отчуждения показывает, что в основе общественных отношений по-прежнему находится отношение господства и рабства. В основе буржуазного понимания природы труда лежит уверенность в том, что отчуждение способности трудиться от самой жизни работника вполне возможно и естественно. Если сформулировать эту проблему по-другому, то речь идет о том, что труд представляет собою опредмеченную деятельность, или же рабочую силу, неотчуждаемую от самой жизни трудящегося. То, что Маркс придерживается второго варианта, подтверждается не только анализом отчуждения в ранних работах, но и анализом феномена заработной платы в «Капитале». Так, рассматривая заработную плату как количество продуктов, необходимых для воспроизводства рабочей силы, Маркс считает, что нижним пределом заработной платы, за которым наступает смерть работника, является такое количество продуктов, которое уже не в состоянии обеспечить воспроизводство рабочей силы (Маркс 1960: 181–182). Этот анализ показывает, что отчуждение овеществленного труда от живого (что позволяет процесс производства трактовать как элемент рынка), не что иное, как иллюзия, а отношения производства по-прежнему представляют собой отношение господства и рабства. Таким образом, мы видим, что проблематика отчуждения у Маркса не определяется как простое использование понятия Л. Фейербаха, но имеет иной, радикальный, смысл, направленный против самой сердцевины гегелевского понимания сущности труда. Для того чтобы выявить природу марксистского понимания отчуждения и того, как возникает иллюзия возможности трактовать производство через рынок, обратимся к анализу природы дифференциальной ренты Д. Рикардо Мишелем Фуко (Фуко 1994: 278–288).

Фактор, определяющий как иллюзию отчуждения работника от продукта труда, так и природу марксистского понятия отчуждения, связан с ростом народонаселения. Здесь Рикардо, по мнению Фуко, следует мальтузианской традиции, связанной с идеей ограниченности ресурсов Земли по обеспечению людей продуктами питания. В определенном

смысле теория дифференциальной ренты была направлена против трактовки природы прибавочного продукта физиократами и так называемой теории богатства. Первая объясняла появление прибавочного продукта на рынке производительной способностью земли приносить урожай, во много превосходящий затраты на его получение. Вторая трактовка дифференциальной ренты трактовала появление избыточного продукта как феномена рынка. То есть рынок существует потому, что существуют богатства, то есть продукты, являющиеся излишками потребления. Эти излишки и предлагаются агентами на рынке для обмена.

Теория богатства фактически игнорирует сам процесс производства и как следствие отношение между работниками в этом процессе. Теория физиократов также игнорирует эти отношения, сводя их к идее производительности земли.

Свое концентрированное выражение эти теории находят в концепции дифференциальной ренты, и именно последняя подвергается критике со стороны Д. Рикардо. С точки зрения классической на тот момент теории дифференциальная рента формировалась за счет различия плодородия участков земли. Излишек, полученный на хороших участках, и образовывал ренту, которая затем трансформировалась в богатство, то есть в товар или излишки, предлагаемые на рынке. Как показывает М. Фуко, эти излишки, или товар, имеют совершенно иную природу, обусловленную массовым обнищанием работников, которое стремится к абсолютному, то есть приближается к пределу заработной платы.

Разница между плодородными и неплодородными участками определяется степенью интенсивности труда. Так, с ростом народонаселения первыми осваиваются наиболее плодородные участки, затем менее плодородные и, наконец, малоплодородные. Стоимость произведенного продукта будет определяться не столько количеством труда, затраченным на данном участке, сколько количеством труда, затраченным на производство такого же количества продукта на втором и третьем типе участков. Это значит, что общественно необходимый труд для производства продукта определяется производительностью труда сначала на втором типе участков, а затем на третьем. Так, если на первом участке для производства n -ного количества продукта требуется 5 часов, а на втором 10, то стоимость этого количества продукта будет эквивалентна 10 часам. По мере роста населения будут заселяться земли третьей степени, и, как правило, расти интенсивность труда. Но рост интенсивности будет сдерживаться биологическим пределом воспроизводства рабочей силы, и, следовательно, часть населения будет находиться на грани вымирания. Именно этот фактор абсолютного обнищания работников будет причиной появления

богатства и излишков на другом полюсе общества. Таким образом, увеличение богатства в интерпретации М. Фуко означает и соответствующий рост нищеты. То есть чем богаче становится человечество, тем оно беднее.

Иллюзия независимости процесса воспроизводства жизни от продукта труда возникает на полюсе богатства, потому что именно там появляются излишек и досуг, который трактуется в широком смысле как свобода человека вообще и как наличие свободного от производства времени в узком смысле этого слова.

Если обратиться вновь к анализу института гражданства, как он рассматривается у Г. Гегеля, А. Кожева, Ф. Фукуямы, то мы увидим, что игнорирование неотделимости жизненного процесса от производства создает иллюзию гражданского равенства, в то время как марксистской анализ представляет собой инверсию, возвращая гражданство к неравенству и политическому отношению. То есть рабочий, подобно рабу, отчуждает от себя неопредмеченный, то есть мертвый, труд, которым он обладает, подобно тому, как буржуазия обладает средствами производства, но отчуждает или отдает свою жизнь, которая неотделима от производства, то есть он отдает способность трудиться, свою рабочую силу, которую невозможно абстрагировать от целостности жизненного процесса.

Если рассмотреть эту коллизию через правовые отношения и представить отношения рабочего и работодателя в качестве гражданско-правовых, то есть как гражданский контракт двух владельцев некоего имущества, то в этом случае отношение рабочего и работодателя становятся отношениями двух буржуа. К. Маркс прекрасно понимал опасность такой трактовки правового статуса рабочего, именно поэтому, рассматривая В «Критике Готской программы» принцип вознаграждения рабочего в форме заработной платы, он характеризует этот принцип как буржуазный, то есть как пережиток капитализма, с которым социализм будет вынужден мириться на первых порах. Речь идет о критике К. Марксизм тезиса «от каждого по способностям, каждому по труду» (Маркс 1961: 13). Самая простая трактовка этого тезиса, казалось бы, возвращает нас к якобинскому (или даже платоновскому) принципу максимума состояний. То есть при одинаковой заработной плате у людей могут быть разные потребности, что уже является источником неравенства. Другая, на наш взгляд, более адекватная трактовка этой критики Марксом понятия заработной платы опирается на экономический принцип П.Ж. Прудона, каковым, по мнению последнего, является бедность. Рассматривая собственность, Прудон опирается, так же как и Д. Рикардо, на ограниченность ресурсов. Так, по мнению Прудона, земля должна принадлежать всем людям, так же как и воздух (Прудон 1996: 52–55). В условиях роста народонаселения при-

своение земли отдельным человеком или группой лиц абсолютно неправомерно. Подобный принцип неправомерности присвоения общественного богатства Прудон распространяет и на рынок труда. Так как количество оплачиваемого труда в обществе ограничено и определяется его потребностями, то увеличение производительности труда отдельным рабочим, что предполагает и адекватную оплату за этот труд, представляет собой присвоение излишней доли труда, которая необходима другим работникам для их существования (Прудон 1996: 69–73). Таким образом, не только землевладелец и капиталист могут присваивать общественную по своей природе собственность, но и рабочий стремится заработать как можно больше и вступает в конкуренцию на рынке труда с другими рабочими. Скорее всего, это соображение, связанное с трансформацией социализма в систему рабочего капитализма, заставляет Маркса считать принцип заработной платы «родимым пятном капитализма». Вместе с тем работа Маркса не дает представления о будущем социалистическом строе. Здесь мы видим лишь то, что не относится к этому порядку будущего на основе критики программы немецких социал-демократов. Единственно, что Маркс предлагает, — это некая альтернатива принципу заработной платы, а именно, принцип «от каждого по способностям, каждому по потребностям».

Модели рабочей силы и заработной платы, предложенные Рикардо и Прудоном, дают возможность рассмотреть либеральный проект преодоления мегалотимии в ином ключе. Применение этих моделей в рассмотрении рабочего вопроса показывает, с одной стороны, каким образом может происходить освобождение пролетария от рабства, а с другой стороны, что само отношение господства и рабства сохраняется в своей целостности. Последний аргумент способен представить либеральную демократию не как ситуацию гражданского равенства, но как сохраняющую первобытное политическое отношение господства и рабства в том виде, в котором оно предстает в эпоху становления самосознания.

Определение Прудоном собственности как общественного достояния распространяется в первую очередь на землю. Затем Прудон распространяет это понятие общественного достояния и на общественно необходимый труд. Учитывая возможность присвоения рабочими этого общественного достояния, можно спроектировать модель экономического неравенства, возникающего при формировании ренты как модель экономического неравенства, возникающего при распределении общественно полезного труда. Такую возможность подсказывает определение Марксом понятий простого и сложного труда. Так, пытаясь соотнести эти понятия, Маркс отмечает, что рабочее время, потраченное на выполнение сложных работ, увеличивается кратно по отношению к рабочему времени, затра-

ченному на выполнение простых операций (Маркс 1960: 54). Таким образом, подобно тому как возникает избыточная стоимость дифференциальной ренты, возникает избыточная стоимость рабочего времени. Даже если природа этой избыточной стоимости определяется ранее затраченным трудом на получение квалификации, избыточность квалифицированного труда определяется опредмеченным трудом, и в этом случае накопленная избыточная стоимость становится тождественной капиталу. Рабочий, получающий эту избыточную стоимость, которая на самом деле является вариантом прибавочной стоимости, становится тождественным капиталисту и тем самым воспроизводит в рамках экономического неравенства возможность и действительность политического неравенства.

Соглашаясь с логикой либерального освобождения в гражданском обществе, следует тем не менее отметить то, что если и происходит освобождение рабочего (раба, пролетария), то это освобождение обусловлено превращением рабочего в капиталиста и формированием так называемого рабочего капитализма. При этом важнейшим элементом такого освобождения является сохранение экономического неравенства на другом полюсе экономической системы.

Рассматривая эволюцию рабочего вопроса и его решения, Р. Кагель предлагает следующие этапы формирования современного работника: пролетарий, рабочий, работник наемного труда (Кагель 2009: 369). Отличие пролетария от рабочего состоит в его полной незащищенности. В то время как рабочий уже включается в систему социального страхования, работник наемного труда представляет собой любого человека, работающего по найму, на которого распространяется весь комплекс мер социальной поддержки. При этом в обществе наемного труда практически отсутствует традиционное отношение пролетария и буржуа. В критической традиции франкфуртской школы идея подчинения сохраняется как всеобщее рабство работников перед технологией массового производства. Приведенная выше модель рабочего капитализма позволяет иначе взглянуть на проблему трансформации классического капитализма в современном обществе. Исходя из вышесказанного можно отметить, что капитализм в обществе наемного труда находит свою адекватную форму именно в так называемом рабочем капитализме, сохраняющем практически все параметры классического капитализма. Возвращаясь к вопросу о возможности формирования либеральной демократии в контексте эволюции труда с присущей ему избыточностью, направленной на трансформацию общественных отношений, следует отметить, что реализация этой возможности упирается в два препятствия. Речь идет, во-первых, о проблеме отчуждения жизненного процесса от производства, и, во-

вторых, о конкурентном характере свободного труда, формирующим феномен рабочего капитализма, который сохраняется на периферии отношения господства и рабства.

Литература

- Гегель Г. (2000) *Феноменология духа*. М.: Наука.
- Дьюи Д. (2003) *Реконструкция в философии. Проблемы человека* М.: Республика.
- Кастель Р. (2009) *Метаморфозы социального вопроса. Хроники наемного труда*. СПб.: Алетейя.
- Кожев А. (2002) Источник права: антропогенное желание признания как исток идеи Справедливости. *Вопросы философии*, 12: 154–166.
- Кожев А. (2003) *Введение в чтение Гегеля*. СПб.: Наука.
- Маркс К (1961) Критика готской программы. Маркс К., Энгельс Ф. *Собр. соч.* Т. 19. М.: Изд-во полит. лит-ры: 9–32.
- Маркс К. (1960) Капитал. Маркс К., Энгельс Ф. *Собр. соч.* Т. 23. М.: Изд-во полит. лит-ры.
- Маркс К. (1974) Экономическо-философские рукописи 1844 года. Маркс К., Энгельс Ф. *Собр. соч.* Т. 42. М.: Изд-во полит. лит-ры: 41–174.
- Прудон П. (1996) *Что такое собственность?* М.: Республика.
- Фуко М. (1994) *Слова и вещи. Археология гуманитарных наук*. СПб.: А-сэд.
- Фукуяма Ф. (1990) Конец истории. *Вопросы философии*, 3: 134–148.

LABOR AND FREEDOM IN THE MARXIST AND LIBERAL TRADITIONS

Igor Goncharov (igor_goncharov_2015@mail.ru)

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russia

Citation: Goncharov I. (2018) Trud i svoboda v marksistskoy i liberal'noy traditsiyakh [Labor and Freedom in the Marxist and Liberal Traditions]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 21(5): 209–219 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2018.21.5.11>

Abstract. The study is connected with the intersection of two opposite traditions in the understanding of freedom and labor: the dialectic of freedom by G. Hegel, which is reflected in the logic of relations between slave and master in the “Phenomenology of the Spirit”, and the Malthusian tradition, realized in the analysis of differential rent by Ricardo, as it was presented in the work of M. Foucault “Words and Things.” The research methodology is connected with the analysis of such concepts as labor and labor force. The concept of labor in the Hegelian tradition is considered in terms of the big logic of

the return of an absolute idea to itself. Labor is considered here as a middle term, the relationship of the spirit with its essence, freedom, on the one hand, and nature, ordered by productive labor, on the other. An analysis of the concept of labor force presents it as an irreplaceable resource, alienated from the worker along with his life. The wealth that produces labor is illusory because it relies on the consumption of the worker's life. The concepts of labor and labor force hide the conflict that is already contained in the works of the early Marx — “Economic and Philosophical Manuscripts” and “Manifesto of the Communist Party.” The applied approach helps to consider the problem of radical Marxism and social reformism as the initial contradiction associated with the imposition of two discourses in Marx's theory: the discourse of labor and labor force. One of these discourses is connected with Marx's economic studies, which subsequently formed the theory of surplus value and proclaimed the need for a radical transformation of society. In this discourse, the worker overcomes his class framework and turns into a kind of demiurge of political reality. The second discourse is aimed at the formation of a socially homogeneous society of wage labor, which is based on the same principle of capitalist distribution, which forms the society of labor capitalism.

Keywords: work, labor force, freedom, salary, labor capitalism.

References

- Castel R. (2009) *Metamorfozy sotsial'nogo voprosa. Khroniki nayemnogo truda* [The Metamorphosis of the Social Question: A Chronicle of the Wage Labor]. St. Petersburg: Aletheia (in Russian).
- Dewey J. (2003) *Rekonstruktsiya v filosofii. Problemy cheloveka* [Reconstruction in Philosophy. Human problems]. Moscow: Republic (in Russian).
- Hegel G. (2000) *Fenomenologiya dukha* [Phenomenology of the Spirit]. Moscow: Science (in Russian).
- Kojève A. (2002) Istochnik prava: antropogennoye zhelaniye priznaniya kak istok idei Spravedlivosti [Source of Law: anthropogenic desire for recognition as the source of the idea of Justice]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 12: 154–166 (in Russian).
- Kojève A. (2003) *Vvedeniye v chteniye Gegelya* [Introduction to the reading of Hegel]. St. Petersburg: Science (in Russian).
- Marx K. (1961) Kritika gotskoy programmy. [Criticism of the Gothic program]. In: Marx K., Engels F. *Sobranije sochinenij* [Collected works], vol. 19. Moscow: Publishing house of political literature: 9–32 (in Russian).
- Marx K. (1960) Kapital. In: Marx K., Engels F. *Sobranije sochinenij* [Collected works], vol. 23. Moscow: Publishing house of political literature (in Russian).
- Marx K. (1974) Ekonomicheskoye-filosofskoye rukopisi 1844 goda [Economic and Philosophic Manuscripts of 1844]. In: Marx K., Engels F. *Sobranije sochinenij* [Collected works], vol. 42. Moscow: Publishing house of political literature: 41–174 (in Russian).
- Proudhon P.-J. (1996) *Chto takoye sobstvennost'?* [What is property?]. Moscow: Republic (in Russian).
- Foucault M. (1994) *Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk* [Words and things. Archeology of the humanities]. St. Petersburg: A-cad (in Russian).
- Fukuyama F. (1990) Konets istorii [The End of History]. *Voprosy filosofii* [Issues of Philosophy], 3: 134–148 (in Russian).